

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Рута Шейл

#ГОРОД
ВТОРЫХ ДУШ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Ш39

Дизайн обложки Юлии Рахманиной

Шейл, Рута.
Ш39   **Город вторых душ : роман / Рута Шейл. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (ONLINE-бестселлер).**

ISBN 978-5-17-120496-9

Двоедушник Северьян Арсеньев — один из тех, кого называют экстрасенсами. В то время как его «дневная» душа, неустроенный фотограф Север, мучительно ищет свое место в жизни, Северьян каждую ночь изгоняет «сущностей» из квартир и домов, зарабатывает деньги, чтобы жена Севера рано или поздно могла оставить работу бармена, доказывает себе и окружающим свою незаменимость, а значит — право на существование. Быт семьи Арсеньевых почти не отличается от себе подобных до тех пор, пока Северьян не приезжает к девочке, одержимой, по словам ее родителей, духом погибшего друга, и не даст ей обещание найти нечто под названием «куделька».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-120496-9

В оформлении издания использованы материалы по лицензии © shutterstock.com
© Рута Шейл, 2020
© Дана Сидерос, стихотворение, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Дети уходят из города
к чертовой матери.
Дети уходят из города каждый март.
Бросив дома с компьютерами, кроватями,
в ранцы закинув Диккенсов и Дюма.

Будто всегда не хватало колючек и кочек им,
дети крадутся оврагами,
прут сквозь лес,
пишут родителям письма кошмарным почерком
на промокашках, вымазанных в земле.

Пишет Виталик:
«Ваши манипуляции,
ваши амбиции, акции напоказ
можете сунуть в...
я решил податься
в вольные пастухи.
Не вернусь. Пока».

Пишет Кристина:
«Сами учитесь пакостям,
сами играйте в свой сериальный мир.
Стану гадалкой, ведьмой, буду шептать костям
тайны чужие, травы в котле томить».

Пишет Вадим:
«Сами любуйтесь закатом
с мостиков города.
Я же уйду за борт.
Буду бродячим уличным музыкантом.
Нашел учителя флейты:
играет как бог».

Взрослые
дорожат бетонными сотами,
бредят дедлайнами, спят, считают рубли.
Дети уходят из города.
В марте.
Сотнями.
Ни одного сбежавшего
не нашли.

Дана Сидерос

#1

Маленькая Сплюшка не мертва: она просто принимает отпуск. Будильник звонит ровно в шесть, все должны проснуться. Ненавижу это, особенно в выходные, когда хочется побыть жалким, но впереди солнечный день, и я так рад, что у меня есть силы справиться со всеми трудностями на своем пути! Мы завтракаем перед телевизором: я и детки, маленькая Сплюшка немного грустит. Сегодня я включаю «Винни-Пуха», ее любимого.

Можно было отказаться и не отдавать Сплюшку, но мне очень нужен тот фарфоровый Kestner* (35 сантиметров, спящие глазки, тело из композита), чтобы разобрать его на детали, а он стоит едва ли не больше нее. Решения, решения, решения.

Вчера я вел с собой довольно грубый разговор, хотя нельзя ругаться при детях, а сегодня, как только закончился мультик, поцеловал Сплюшку в мягкий лобик и уложил в красивый пакет. От улыбки, милая, станет день светлей, перестанет плакать самый грустный... я не думаю, что это так. Просто ужасно боюсь. Год за годом все становится таким старым, старым, старым...

---

* Кукольная фабрика Иоганна Кестнера, прекратила существование в 1938-м году. — *Примеч. автора.*

В ожидании курьера пришлось убрать пакет в прихожую, чтобы не видеть больше свою совушку. Время пить обезболивающее и миорелаксанты. Детки пока посмотрят в окно, я тоже посмотрю в окно — а где там наша тетя? Всё, попрощайтесь с сестренкой, скоро у нас будет новый малыш.

Как обычно, вместе с покупкой я кладу свою рекламу и небольшой подарок — конфетки или украшение, и пишу к своим деткам инструкции, ведь они такие разные и не могут ничего рассказать! Сплюшка боится спать одна, а еще она любит, когда ей поют песенки, и читают сказки, и баюкают ее на руках. Я делал все это каждый день, пока не получил заказ, но настало время расставаться, и я надеюсь, что Сплюшка будет счастлива со своей новой мамочкой.

Я оплачиваю доставку и трачу лишние деньги, потому что не могу делать это самостоятельно. Иногда моя подруга Люс помогает мне с чем-то, но я не хочу ее утомлять и все равно оплачиваю помощь деньгами или покупаю ей красивые вещи. Сегодня Люс не может ко мне прийти. Незнакомый человек с моим свертком в руках отправляется по адресу — до свиданья, милая, на тебе такое красивое платье, ты обязательно ей понравишься!

Кто следующий? А я знаю. Мистер Зай уже забронирован в «Инстаграме». Мистер Зай красавчик, он умеет говорить: «Мамочка, я тебя люблю».

Мамочка, я тебя люблю. Ты помогаешь победить в моей битве.

Я нахожу удовольствие во всей этой боли — такова жизнь, которую ты дала мне, родная. У меня есть дружок, который сказал: «Когда твоя веревка заканчивается, хватайся за конец». Вот он, конец моей веревки. Как дела?..

Я стараюсь не думать о том, что спустя неделю маленькая Сплюшка надоест своей новой хозяйке. Закончатся

песенки, сказки и сон на одной подушке. Совушка покроется пылью в серванте, пока ее не стащит какая-нибудь племянница или соседская девочка. Сшитое для нее платье подойдет дутому целлулоидному пупсу, а сама она окажется в корзине среди голых Барби с отломанными ногами и деталей от «Лего», погружаясь все глубже и глубже, чтобы во время очередной уборки... Во время... Не могу. Вниз головой в черный мусорный мешок.

О, моя девочка!

Вниз головой. И в мешок, в мешок.

— Саша? Саша, плохо?

Мама. Мама... Ма-ма-ма-ма-а!..

В темноте все дома казались одинаковыми. Сбросив скорость, Северьян всматривался в покосившиеся заборы в надежде разглядеть табличку с номером или названием улицы — ни того, ни другого не попадалось. Хоть бы один фонарь, здоровенная деревня-то... Сколько уже объездил: и таких — со школой, сельторгом и погостом, и помельче — в три избы да память предков, — но повсюду, под каждой стрехой неизменно торчала тарелка спутникового телевидения, а за каждой печью сидела «сущность».

Есми, поправил он сам себя, что ты, ей-богу, как бабка старая...

Чаще всего выяснялось, что сущность — в головах у хозяев. В таких требах* Северьян отказывал. Можно было, конечно, совершить чин освящения и взять деньги, и ничего внутри бы не екнуло, однако репутация сама себя не создает. Если жильцы говорят, что

---

* Треба — богослужебный обряд, который совершается по просьбе верующих. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

слышат голоса и чувствуют чье-то враждебное присутствие, хотя никакой причины нет, то заниматься этим должен не он, отец Северьян, а специалисты иной квалификации.

Но на этот раз действительно *было*. Он почувствовал раньше, чем в свет фар вышагнул и замахал руками тот самый Вырыпаев-сын, который звонил ему насчет обряда.

Северьян свернул на обочину, остановил машину и заглушил двигатель. Темнота сгустилась. Она пахла травой, и озером, и землей, остывающей после дневного зноя. Яростно стрекотали цикады. Прежде чем пожать протянутую ладонь, Северьян засмотрелся на звездное небо. Ладно, ни к чему здесь фонари...

— Вырыпаев, — повторил хозяин дома то, что он и так уже знал. — Сын.

На веранде вспыхнула лампа. Тут же появилась суевливая вырыпаевская мать: «Батюшка! Да вы проходите!»

Нырнув на заднее сиденье, Северьян достал оттуда расшитую золотом епитрахиль*, надел ее на шею и солидно огладил ладонью. Самым щекотливым моментом было объяснить, почему он должен войти в дом один. «Хотите повидать своего мертвого супруга?» — не годилось. «Только он несколько изменился», — тоже не то. «Возможно, он попробует вас на вкус...»

Всякий раз приходилось импровизировать.

— Я проведу ритуал... — начал он и откашлялся. — Изгнания. Видеть его вам ни к чему. Пока

---

* Епитрахиль — принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа — длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.

не разрешу, к дому не приближайтесь и в окна не заглядывайте.

Младший Вырыпаев сощурился так, что стал напоминать сушеный урюк.

— А вы нас, батюшка, тем временем... — Мать ткнула его локтем в бок, но жест эффекта не возымел. — Не обнесете?

Северьян вообразил, как он хватает с тумбочки старенький кинескопный телевизор и, путаясь в полах рысы, пытается пропихнуть его на улицу через форточку под вопли и тычки засевшего в доме Есми — когда б не Вырыпаевы, посмеялся бы. А так только растянул губы в смиренной улыбке и посмотрел на хозяина дома насколько сумел ласково.

— Ты, — будто дитяти неразумному, пояснил он Вырыпаеву, — помыслами своими не меня обижаешь, а беса ублажаешь. Есть охота — стереги свое добро, но бес, как меня увидит, от страха начнет по избе скакать и в тебя, маловерного, войдет. И уд твой после этого до самой смерти не встанет, — припечатал он для надежности.

— Господь, твоя воля... — охнула вырыпаевская мать и перекрестилась.

Вырыпаев сошел с лица и потупился, явно что-то обдумывая.

— А ты сам-то как, батюшка? Не боишься? — крикнул он, когда Северьян, решив, что разговор исчерпан, направился к дому. — Сам-то он как?.. — Это уже матери, потому что Северьян до ответа не снизошел.

— Да ему, чай, и не надо, — забубнила та. — А такой молодой еще, видный, девки небось вьются... Тяжко, тяжело. Господь, твоя воля!

Девки... Тут с одной-то не знаешь, как разобраться.

Дом встретил его запахом плесени и тиканьем часов. Северьян прилежно разулся, поставил ботинки бок о бок и в одних носках прокрался в единственную большую комнату. Шкаф-горка с сервизом, иконы, вязаные крючком салфеточки. Из кухни погромыхивало. Северьян по очереди задернул все шторы, выволок в центр комнаты табурет и уселся на него, поджав ноги. Потер небритую щеку, достал из внутреннего кармана, подшитого к рясе, фляжку, приложился к горлышку, подозревая коньяк, но внутри оказался виски. Еще лучше. Северьян кашлянул — горло простудно саднило.

— Благословен Бог наш всегда!.. — заблажил он поставленным голосом.

Эти, снаружи, наверняка прислушивались. Хорошо бы соблюсти хотя бы видимость чиновсовершеня.

— Хех, — крикнуло с кухни. Северьян не шелонулся.

— Ныне и присно и во веки веков, аминь!

— Дристно! — нахально заявил все тот же голос. Следом появился его обладатель — Северьян заметил краем глаза, но виду не подал. Совершенно голый Есми пришлепал в комнату и развалился на хозяйской кровати, паскудно выставив на обозрение Северьяна вялый член.

— Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, иже везде сый... — забормотал Северьян, едва удерживаясь от смеха. Есми швырнул в него подушкой, но промахнулся. Северьян повторно приложился к фляжке и поддал смирения: — И вся исполняяй, сокровище Благих и жизни подателю, прииди и вселися в ны...

— Говны! — всхлипнул Есми и обнаглел окончательно — подскочив с ложа, принялся исполнять

вокруг табурета, на котором невозмутимо восседал Северьян, довольно гадкий пасадобль.

— И очис... Очисти...

Есми скакал, выкидывая непристойные коленца. Северьяну стоило невероятного труда не замечать его кривляний: он из последних сил таращился прямо перед собой, но в конце концов не выдержал и расхохотался в голос. Есми замер в полупа и глядел на него с немим изумлением, как престарелый сатир, застигнутый с дудкой над столь же неюной девственницей.

— Эй, поп... Ты меня видишь?

Северьян утирал слезы. Есми присел перед ним на карачки и заглянул в лицо круглыми белесыми глазами. На его шее болталась петля с обрывком веревки.

— Видишь меня, что ли?

Вместе с осознанием этого к недоумершему Вырыпаеву-отцу вернулся стыд — метнувшись к кровати, он сдернул оттуда простыню и обмотал ею старческие чресла.

— Спасибо, — от души поблагодарил Северьян, усилием воли возвращая себе серьезность. — Так намного лучше.

— Да ты ж не поп. Ты вообще не человек. Кто ты такой?

Объяснять не хотелось — долго и муторно. И хозяева наверняка заждались.

— Я за тобой, — сказал он просто. — Сам пойдешь или уговорить?

— Только не бей. Пойду.

Окончательно присмирив, Есми скорчился в углу между шкафом и окном.

— Глянь сюда!

Северьян не сразу понял, что особенного он должен увидеть в растопыренной пятерне. Перстень этот дурацкий?

— Сноха, ведьма, со мной обвенчалась. Когда в гробу меня в лоб целовала, кольцо надела. Мне и себе. Теперь вот... При жизни от нее покоя не было, и после смерти, шалашовка, достала.

— Ой, да брось, — как от зубной боли, скривился Северьян и протянул руку ладонью вверх. — Давай его сюда.

Есми послушно начал стаскивать перстень с пальца. Тот поддавался туго, но все-таки шел. Едва заполучив вещицу, Северьян кинул ее в карман.

— Вот так. Делов-то.

— И все?

— Все. Пустое суеверие. Не бывает никаких ведьм.

Есми тарачился на него как агнец, ведомый на заклятие.

— Есть еще кое-что, — признался Северьян неохотно.

Вырыпаев-отец не перебивал и продолжал смотреть этим своим щенячьим взглядом. Уж лучше бы кричал, матерился, голым бы прыгал.. а он сидит. Смотрит. И не жилось тебе, мужик. Чего тебе, мужик, не жилось-то?..

— Ритуал.

Каждый раз за этот «ритуал» себя ненавидел. Знать бы, кто вообще придумал такое изуверство над полумертвыми — заставил бы он этого демиурга самого себя... отритуалить.

— Будет больно?

Да уж не щекотно, хотя кто вас, полумертвых, знает. Выглядит отвратно, а как оно там изнутри...

— Обезболю, — пообещал он и открыл стеклянную дверцу шкафа.

Чашки нашлись только сувенирные — размером с наперсток и расписанные пастушками. Судя по слою пыли, едва ли ими часто пользовались. Северьян взял

одну, дунул в нее, чтобы стала почище, и вылил остатки виски — хватило как раз до потертого золотого ободка. Достав из того же кармана мятый блистер, он вытряхнул в чашку одну таблетку. Пошипела, растворилась — и все.

— Залпом.

Есми цапнул чашку и поводел над ней бледным носом.

— Вискарь? Хоро-оший. Спасибо, не-поп. Лет десять вискаря не пил.

Пустая чашечка в его руке заметно подрагивала. Северьян поддернул рясу и тоже уселся на дощатый пол.

— И что теперь? — чуть слышно прошелестел Есми.

— Спать. — И для самого Северьяна слово звучало обещанием долгожданного отдыха, которого у него никогда не будет. — Крепко, спокойно и долго. Своим что-нибудь передать хочешь?

— Нинке скажи... Пусть самогон у Палыча не берет — отравится. Машину пусть продадут, за сколько смогут, а новую берут не белую. Ленку... — бормотал он сонно, но в окружающей глухой тишине каждый звук все равно слышался удивительно отчетливо. — Пашка не хотел Ленку насмерть резать. Напугать хотел только. Маню не найдут, утопла Маня. Вовка, что своих топором зарубил, тоже повесился — ты ему помоги, он там ходит и ножом себя ковыряет, а помереть не может. Нинке еще передай, пусть не плачет и простит меня, дурака... Не сдержался. Трижды с нового года Натаху ёб... Грозилась все Нинке рассказать, у-у, шалашовка...

И снова Северьяна одолело вязкое, темное. Тащило в себя, будто в топь — смерть, смерть вокруг, многих не стало, многие сошли в могилу. Все мы там будем.